

КОНТУР ВРЕМЕНИ

Муслим Магомаев

**«Живут во мне
воспоминания»**

Москва
Издательство АСТ

УДК 784(092)Магомаев М.
ББК 85.314(2)6-8 Магомаев М.
М12

В книге использованы фото из личного архива автора.

Магомаев Муслим Магометович
М 12 Живут во мне воспоминания / Муслим Магомаев — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с. —
ISBN 978-5-17-105180-8

«Редкий пример настоящего певца, превратившегося в суперзвезду, — Муслим Магомаев, яркость и подлинность дарования которого особенно выделяются на фоне той звездной пыли, что навязчиво пытается прельстить публику мишурным блеском. Мало кто в отечественном эстрадном искусстве мог соперничать по популярности с Муслимом Магомаевым, чей восхитительный баритон, высокий артистизм и душевная щедрость покорили не одно поколение слушателей. Певец никогда не гнался за переменчивой модой, не заигрывал с публикой, но его талант и обаяние завоевали миллионы сердец. Переполненные залы, кордоны конной милиции, море цветов и легенды — все это Магомаев вкусил сполна. И притом сохранил истинную скромность, совмещая внутреннее достоинство с трезвостью самооценки».

Святослав Бэлза

**УДК 784(092)Магомаев М.
ББК 85.314(2)6-8 Магомаев М.**

ISBN 978-5-17-105180-8

© ООО «Издательство АСТ», 2017

От автора

Я горжусь своей родиной и люблю ее. Пусть такое вступление к книге воспоминаний сочтут несколько пафосным, но это так. И всю жизнь я раздваивался в этой своей любви: говорил, что Азербайджан — мой отец, а Россия — мать. Появившись на свет, получив хорошее образование, сделав первые шаги в своей профессии на прекрасной земле, земле великих Низами, Хагани, Вургунa, Гаджибекова, Ниязи, Караева, Бейбутова, Амирова — список можно продолжать, — я очень молодым приехал в Москву. И она вмиг окружила меня любовью, сделала известным всему Советскому Союзу, открыла передо мной огромные горизонты.

Сейчас я живу в Москве, но всегда помню и наш бакинский двор, и бульвар на берегу теплого Каспия... Баку — святая для меня земля. Да и для каждого бакинца его город — не просто место рождения, это нечто большее. У бакинцев особый характер, особый стиль жизни. Разбросанные теперь, в силу разных жизненных обстоятельств, по многим странам, бакинцы, люди разных национальностей, стараются и там общаться между собой и по возможности хоть на несколько дней возвращаются в родной город.

Работая над книгой в Москве, я мысленно переносился в свои детство, юность, которые прошли в Азербайджане, вспоминал своих учителей, друзей и всех тех, кто так или иначе помог мне стать тем, кем я стал. Помог своим вниманием, добротой, своей дружбой, поддержкой и просто тем, что они были в моей жизни. Моя республика пришла мне на помощь, когда десять лет назад появилась возможность издать книгу моих воспоминаний, — и свою признательность за это я выразил Аппарату Президента Республики Азербайджан Г. А. Алиеву.

муслим МАГОМАЕВ

Но сначала было предложение... Если бы не издательство «Вагриус», я бы тогда не написал свою книгу — все откладывал ее на потом. Но, к сожалению, с годами память не становится лучше. Многого вспомнилось мне уже после того, как книга была сдана в издательство. Конечно, и после ее выхода в памяти всплыло немало.

И вот десятилетие спустя мне снова позвонили из издательства и опять предложили поработать вместе — ведь за прошедшие годы многое изменилось, в том числе и в моей жизни. Я согласился и, перерабатывая прежний текст, попытался дополнить книгу новыми воспоминаниями, новыми главами...

Впрочем, главная наша книга не на бумаге, а в нас самих. Как сказал поэт Роберт Рождественский:

Воспоминания глядят в глаза,
Воспоминаний обмануть нельзя.
Они по самой сути мои друзья и судьи
И мои наставники...
Живут во мне воспоминания,
Живут во сне и наяву.
Они тепло мое весеннее,
Моя мечта, мое везение,
Моя надежда и спасение.
Пока я помню — я живу...

Строку из его замечательного стихотворения, ставшего прекрасной песней, я вынес на обложку этой книги.

Музыка детства

В детстве мы не любопытны к своим корням, к истории собственного рода. И мне, Муслиму Магомаеву-младшему, надо было бы еще мальчишкой подробнее узнать о жизни Муслима Магомаева-старшего со слов тех, кто был с ним рядом. С годами я, разумеется, наверстал, как мог, упущенное в детстве и юности, — стал интересоваться жизнью и творчеством своего знаменитого деда. Смотрел его архивы, читал письма, а главное, слушал дедовскую музыку. И хоть судить о его жизни я могу, конечно, только косвенно, я всегда был твердо уверен в том, что мой дед — великий композитор и дирижер.

Я должен был повторить его путь — стать и композитором, и дирижером, и пианистом. А чтобы закрепить за мной эту заочную идею, меня и нарекли при рождении именем деда. Так я стал полным его тезкой. В то время, как мои сверстники играли на полу машинками и оловянными солдатиками, я ставил дедовский пюпитр, брал в руки карандаш и руководил воображаемым оркестром.

Свою бабушку Байдигюль (весенний цветок) я очень любил, но и не очень слушался, часто вольно или невольно, скорей всего по детской бесшабашности, обижал и старался избавиться от ее опеки. Она говорила мне что-то несомненно важное, а я был уже там, на улице, где меня ждали такие же, как я, сорванцы. Чем больше она меня любила, тем больше я ее обижал. Догадываюсь о степени ее терпеливости и доброты...

Прости меня, бабушка... Теперь-то я знаю, куда уходят и детство, и те, кого мы недолюбили, кого не баловали ни своим вниманием, ни ласковым словом, ни добрым делом. Полагали, что вроде бы они, наши близкие, достались нам просто так, раз и навсегда. Как море и небо...

муслим МАГОМАЕВ

Что касается деда, то я его не знал и не мог знать — он умер в 1937 году в пятьдесят с небольшим от скоротечной чахотки. За пять лет до моего рождения.

Мой дед Муслим Магомаев вырос в семье кузнеца-оружейника, где любили музыку. Очень одаренным был старший брат деда Магомет, прекрасно игравший на гармонии и флейте. Во время учебы в Грозненской городской школе он даже руководил ученическим оркестром. Магомет и приобщил младшего брата к музыке: Муслим рано стал играть на восточной гармонии. Потом, тоже поступив в Грозненскую городскую школу, он научился там играть на скрипке, участвовал в школьных концертах.

Свое образование Муслим Магомаев продолжил в Закавказской учительской семинарии в городе Гори, где готовили учителей для просвещения народов Кавказа. В семинарии дед познакомился с Узеиром Гаджибековым, с которым потом дружил всю жизнь. Оба они впоследствии стали основоположниками азербайджанского профессионального музыкального творчества. Интересно, что мой дед и Узеир Гаджибеков родились в один день и в один год — 18 сентября 1885 года; в дальнейшем они даже породнились, женившись на сестрах.

В Горийской семинарии дед научился игре на гобое. Как скрипач и гобоист он играл в оркестре, состоявшем из учащихся семинарии. В восемнадцать лет был ведущим музыкантом оркестра и даже заменял дирижера. Там же, в Гори, он получил и знания музыкальной теории. После окончания семинарии деду вручили в подарок скрипку.

Работая учителем народной школы, сначала в одном из сел Северного Кавказа, а потом в Ленкорани, где он преподавал историю, химию, русский язык, дед продолжал отдаваться любимому занятию — музыке: создал оркестр из своих учеников, хор, организовывал концерты, где исполнялись и народные песни, и произведения популярных жанров, и собственные его со-

чинения. Дед часто выступал на таких концертах и как солист-скрипач.

С 1911 года, сдав экстерном экзамен в Тифлисском учительском институте, дед с семьей поселился в Баку, продолжая преподавать в школе. В Баку его музыкальная деятельность сделалась особенно активной. Это и стало главным делом его жизни. Здесь он дебютировал как дирижер, потом как оперный композитор. Он написал две оперы — «Шах Исмаил» и «Наргиз»...

Каким был мой дед в жизни? Со слов родных я знаю, что был он человеком очень щедрым, всегда готовым помогать людям. Сохранилось письмо Узеира Гаджибекова, где он благодарит своего друга Муслима за помощь: «...Я имею возможность спокойно заниматься своим делом, в результате чего я поступил в консерваторию; всем этим я обязан исключительно твоему искреннему желанию помочь мне; ради исполнения этого желания ты принес в жертву свой покой и здоровье, сумею ли я за это тебя отблагодарить?...» Это письмо написано в 1914 году из Петербурга, куда Узеир Гаджибеков уехал, чтобы продолжить образование в консерватории.

Дружить дед умел, мог сделать широкий сердечный жест.

Мало кто у нас знает, что идея написать оперу на сюжет «Кёр-оглы» пришла одновременно и Магомаеву, и Гаджибекову. Когда дед узнал об этом, он порвал начатую партитуру и сказал: «Узеир напишет лучше».

А еще был он человеком веселым: в отличие от друга Узеира позволял себе гульнуть на славу. Когда Зулфугар Гаджибеков (брат Узеира), тоже с грешком «весело пожить», заезжал за дедом на тогдашнем такси — фаэтоне, они с озабоченными физиономиями начинали объяснять бабушке, что едут по неотложным музыкальным делам в театр, в оперу. Но как только фаэтон исчезал из поля зрения махавшей вслед им Байдигюль, маршрут резко менялся. Курс был в знакомый любимый ресторанчик, за-

муслим МАГОМАЕВ

всегдатыми которого были бакинские актеры, музыканты, ашуги, мугаматисты. Дед неплохо зарабатывал, учительствуя в школе, и позволял себе не только кутнуть, но и заплатить за друзей, особенно если за столиком ресторана оказывались неимущие музыканты. На высоком градусе застолья гуляки брали у хозяина заведения револьверы и начинали палить по горлышкам бутылок, как разгулявшиеся ковбои в старых американских салунах. Владелец ресторана не возражал — Магомаев за все заплатит с лихвой. На то он и Муслим-бек!

Из семейных преданий о деде я помню рассказ бабушки, что дед потому и заболел чахоткой, что полез в Куру спасать ее, когда они были с ним где-то на Кавказе. Мой дядя Джамал только посмеивался, слушая эти рассказы, и обещал, что, когда выйдет на пенсию, начнет писать мемуары. Не успел...

У деда Муслима и бабушки Байдиголь было два сына. Младшим был мой отец — Магомет Магомаев. Был он человеком очень одаренным: нигде не учась специально музыке, умел играть на рояле, пел. Это и понятно: рядом с таким универсальным музыкантом, каким был мой дед, и без учения заиграешь и запоешь. Голос у отца был небольшой, но приятный, как говорили, задушевный. (Но мой голос не от него, а от матери.) Талантливый театральный художник, он оформлял спектакли в Баку, в Майкопе, где и встретил мою мать.

Странно, но его работ у нас не осталось — ни живописи, ни рисунков, даже никаких набросков. Потом я узнал, что после завершения театральной постановки или выхода мультфильма (он освоил и новую еще тогда специальность мультипликатора) отец уничтожал все наброски — наверное, считал, что раз все состоялось, то и не надо никаких эскизов, никаких архивов...

Был отец человеком непростым, противоречивым. Даже на фотографиях он разный — от красавца до средней привлекательности человека. Настолько он был изменчивым. Хотя друзья

помнили его красивым. Был он очень легким на подъем (в этом я на него совсем не похож: для меня каждый раз собраться на гастроли — проблема). Умница, жизнелюб, он любил и потанцевать, любил и подражаться из-за женщины. Если где-то замечался шум, куча-мала, то там обязательно ищи Магомета... Увлекающийся, упрямый, драчливый, но в душе поэт. То легкомысленный, то яростно-непоколебимый и суровый в своих принципах... Не отсюда ли его преждевременная гибель?.. От меня, чтобы не травмировать, долго скрывали, что отца уже нет в живых, говорили, что он находится в длительной командировке. Только лет в десять-одиннадцать, когда я уже стал многое понимать, мне сказали правду.

От деда отец унаследовал мужественность, которая уживалась с жуирством. Ценил порыв. Отвечал за слово. Был честолоубив. Так и остался романтиком. Именно такой человек должен был бросить все и буквально ринуться на фронт.

Нашей семье благоволил тогдашний глава республики Мирджафар Багиров. И отец вполне мог бы рассчитывать на бронь.

— Куда он лезет? — говорил товарищ Багиров. — Пропадет! Он же у вас одержимый... Первая пуля будет его.

Отец не стал никого слушать. Сказал себе: надо! И ушел на фронт... Безоглядный, болезненный патриотизм!

О его гибели, а также о том, как я искал и нашел могилу отца, расскажу позже. Но прежде одно его письмо с фронта. Мне должны были прочитать его в день моего совершеннолетия.

«Сегодня день рождения моего сына. Что же ему пожелать? Конечно, многих, многих лет счастливой, радостной жизни, но пусть его жизнь будет заполнена полезным трудом для человечества, как была заполнена жизнь того, чье имя он носит. Пусть он научится пламенно любить все хорошее, но пусть и умеет всей ду-

муслим МАГОМАЕВ

шой ненавидеть тех, кто станет на дороге нашего счастья. Пусть он с ранних лет познает историю этой кровопролитной войны, которую затеяли варвары-немцы. Пусть он высоко чтит память тех, кто доблестно дрался за независимость вот таких крохотных, как он, детей, за счастье всего народа и отдал свою жизнь, без сожаления — за них. Пусть одно слово «фашизм» вызывает в нем ненависть, презрение. Ну, и пусть знает, что его отец любит его и будет любить до последнего вздоха, и если ему придется умирать, то умрет он с его именем на устах. Вот и все, что я хотел ему пожелать.

С приветом, ваш Магомет».

Если своим друзьям Магомет Магомаев запомнился внешней броскостью, то мне отец видится другим (хотя я его не помню — он погиб, когда мне было всего три года). Я вижу своего отца не картинным красавцем, а привлекательным внутренней красотой. Есть у людей такое обаяние — не напоказ, а в душе...

В отличие от своего отца, я не умею хорошо танцевать и не хочу. Тут я пошел в моего дядю Джамал-эддина Магомаева, воспитавшего меня, заменившего мне отца и деда. Интересно, что два брата были совершенно не похожи характером друг на друга: по натуре дядя был спокойнее своих отца и брата. Инженер по образованию, Джамал-эддин Муслимович имел склонность к точным наукам (в этом я отличаюсь от дяди — терпеть их не мог). Человек уравновешенный, очень правильный, он шел вверх по партийно-государственной лестнице (и в этом я не похож на своего воспитателя — ни в комсомол, ни в партию никогда не вступал).

Но что явно перешло к нему от деда Муслима, так это наш восточный обычай гостеприимства: дядя обожал гостей, любил и умел угощать. Унаследовал он от отца и музыкальность — играл на рояле, не получив при этом специального музыкального обра-

зования. Правда, очень любил нажимать на педаль, чтобы было громко, хотя меня учил другому: «Играй тихо и с чувством».

Как оказалось, дядя умел и рисовать, хотя я никогда не видел, чтобы он этим баловался. Помнится, сижу за столом, вымучиваю портрет Рахманинова, злюсь, потому что сразу не получается, вот-вот разорву. Заходит дядя. Он работал в соседней комнате и заинтересовался, почему у меня так подозрительно тихо. Спрашивает: «Что мучаешься? — Взял карандаш. — Гляди, глаз у твоего Рахманинова не туда пошел». И вместе мы очень неплохо поработали.

И еще было в дяде то, что стало нашей семейной заповедью: все они — и дед, и отец, и дядя Джамал — превыше всего ценили свою честь. Дядя никогда и никому не носил чемоданы — и в прямом, и в переносном смысле...

Говорят, люди впечатлительные помнят себя рано. Не знаю, сентиментален ли я настолько, чтобы об этом говорить, но помню себя рано... Вот одно из первых ощущений: улица, мягкая теплота руки няни — тети Груни. С няней хорошо, уютно. Мы вышли гулять. Воспользовавшись тем, что ее отпустили из дома, старушка ведет меня в церковь. До сих пор помню запах ладана, мерцание свечей, пышность православного храма. Потом я увижу ритуалы всевозможных конфессий. Но русская церковь оставит навсегда ощущение сказочного терема, где, по тому моему наивному представлению, Боженька не строгий, а добрый.

На ночь няня Груня рассказывала мне сказки. Добрые народные сказки. Позже, когда я научился читать, прочел сам сказки Пушкина, потом узнал про его няню Арину Родионовну... Любовь к сказкам осталась у меня до сих пор: я собрал все фильмы Диснея. Детское увлечение уже в зрелом возрасте переросло в увлечение фантастикой — это ведь тоже сказки.

После деда остались кларнет и скрипка. Сначала меня хотели научить играть на скрипке. Вот тогда я и узнал, что такое она для

муслим МАГОМАЕВ

ребенка, начинающего постигать азы музыки. Скрипка — не рояль: это там нажал на клавишу — вот тебе и звук. А чтобы извлечь живой звук из скрипки, нужно уметь делать что-то особенное. Просто пиликанье смычком по струнам хуже царапанья гвоздем по стеклу. Душераздирающие звуки стали несносными не только для меня.

Как многие дети, я был любопытен: ломал механические игрушки, чтобы посмотреть, как они устроены внутри. Став постарше, увлекся книгами Жюль Верна. Почему-то меня очень интересовало все, что было связано с водой, — капитан Немо, его «Наутилус»... Дома я даже устроил себе собственный «Наутилус» — целый уголок в комнате. Долго занимался тем, что мастерил какие-то корабли, и молоток почему-то норовил ударить обязательно по пальцам.

Помню, как меня ругали за всякие технические затеи, связанные с электричеством. Бабушка порой боялась взяться за что-нибудь в комнате — вдруг ее ударит током, если окажется, что я что-то не туда подсоединил. Однажды так и вышло, когда она прикоснулась к металлической кровати. То мое «техническое творчество» не забылось — я и сейчас многое умею делать по дому. В свободное время тешу себя современными электронными «игрушками», и когда близкие, глядя на меня, играющего на компьютере, говорят: «Как мальчишка!..» — я не обижаюсь. Наоборот. Если в тебе исчезает что-то детское, наивное, когда ты сам отпускаешь это из души, становится ясно — ты начинаешь стареть...

Вот от того моего детского любопытства и пострадала скрипка, из которой я пытался извлекать звуки: я решил посмотреть, что же находится внутри и почему скрипка не желает петь. Когда дома говорили об этом инструменте, когда-то подаренном деду после окончания им Горийской семинарии, то называли какого-то Амати, который был внутри скрипки. Я поднял верхнюю деку,

но никакого Амати там не нашел — только надпись чернилами «Амати»... Скрипку деда у меня, конечно, отняли, клеили. Сейчас она находится в музее в Баку...

В связи с вещами, оставшимися от деда, отчего-то вспомнил ся бабушкин сундук, огромный, кованный, о трех замках. Он вызывал у меня жгучее любопытство. Я спрашивал у бабушки Бай-дигюль: «Что в нем?» — «Ничего особенного». Я не верил ей — считал, что в сундуке хранилось что-то тайное. Иначе почему бы бабушке не открыть и не показать его содержимое мне. Но она не расставалась с ключами от сундука: даже когда ложилась спать, они были рядом.

И вот однажды, притворившись, что сплю, я дождался, когда бабушка вышла из спальни. Схватив ключи, открыл все три замка, положил ключи на место и снова нырнул в постель. Бабушка вернулась, я как бы проснулся, встал, пошел умываться. И вдруг услышал бабушкины крики: она обнаружила, что ключи побывали в моих руках, что замки открыты. У меня было такое впечатление, что бабушка проверяла свой сундук каждые пять минут. Поднять крышку и заглянуть внутрь, что я намеревался сделать потом, мне не привелось. Тайна так и осталась тайной. Не знали о содержимом сундука ни дядя Джамал, ни тетя Мура.

Что находилось в сундуке, стало известно только после смерти бабушки. В самом деле, как она и говорила, — ничего особенного там не оказалось: только смокинг деда, его дирижерская палочка, ноты... То есть то, что было для нее самым дорогим после его ухода. Потом, когда тайна перестала быть тайной, сундук бабушки сделался обычным утилитарным предметом домашней обстановки — я складывал в него письма от моих бесчисленных поклонниц и поклонников.

История с сундуком напомнила мне еще одну — на этот раз с бабушкиным шкафом, который она тоже запирала на ключ. Это, естественно, вызывало мой интерес — что она там прячет?